

*С.Н. Богобоязов
Вологда*

ЗАПИСИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТА

Национальный язык в различных его разновидностях составляет основу культурного наследия народа, является одним из основных его духовных достижений. Наиболее употребительной является литературная разновидность языка, в то время как территориальные диалекты, которые законодательство Российской Федерации также считает культурной ценностью [1], уходят на периферию речевой практики. Социально-экономические и культурные трансформации северной деревни приводят к исчезновению многих сельских поселений и, как следствие, к утрате локальных диалектов. Такая участь постигла и наш родной говор бывшего Азлецкого сельсовета Харовского района Вологодской области.

Всестороннее изучение говоров, носителей которого уже практически не осталось, весьма и весьма затруднительно. Диалектологические экспедиции, организации которых в Вологодском государственном университете уделяется большое внимание [2], в данном случае должны сочетаться с работой по другим источникам: важно разыскать людей, в прошлом проживавших в том или ином сельском поселении, владеющих основами местного говора, и обратиться к их речевой памяти.

В опубликованных ранее статьях мы описывали черты нашего родного говора [3]. Однако же для его полного представления следует изучать целый комплекс присущих ему черт: фонетических, лексических, грамматических и др.; а также комментировать особенности бытовой жизни, культуры и мышления носителей диалекта. Представленные ниже тексты могут

способствовать исследованию азлецкого говора. Они составлены на основе записей речи реальных людей и отражают специфику их говора в 60–70-х годах прошлого века. Тексты приводятся нами в форме упрощенной диалектологической транскрипции, с обозначением ударения и использованием буквы ў для передачи губно-губного звука [w].

Баўшкіны росказы

– Есь хто дома-то? Батогá у ворót нет, дак подумала, ты, Настя, дома, заглену на упряжку.

– Проходи-тко, Манефья, проходи, матшка. Вон садись-ко столу. Робетишкі играли, все лаўкі измисьём завалили, сись некуды. Токо наладилась поохичеть. Сёдне роботы поўно, в избе охитить некоўды.

– Да я не стану сюды ў почвetyё-те садиччё, невелика госья. Я вот сюды сяду на стулик на усторонье, дак и тибе мешать не буду. А где у тя ўсе сёдне?

– Да большиё дак севодне ў лісе, косят, поди, на Ёўге. Я-то не больнё и знаю, уж которой год в лісе на сенокосе не бывала, годы-те на осмой десяток, да и дома роботы поўно. Севодне ў загородзе чистила, да дроў ў дровеник поволочила, да сено у гумен покошено, дак пошевелила. Да и робетишкам ведь какоё-то вариво надо сварить. Маленькиё-те разаюччё целой день по дереўне, дак ись-то потом токо подавай. Большиё-те с отчём да маткой на покосе, отечь-от им по косе да грабёчям изладиў, а трава-та ў лісе – листок, дак косят, нетежело. В поле-то трава тежолá, им не прокосить. Радынё-то есть у обоих, да тоўку не хватаёт, одну косу уж нарушили. Сено шевелить, ли чепать, ли хош за забиром потчепать – и то помога отчю да матке. Оне и так с сенокосом-то искряталісь. У отчя-то на войне нога ранета, дак топерь по ночам тоскуёт, он ночьё бываёт што и спать не может. Я-то на сенокосе можот бы чё и помогла, да с робетишкам водиччё надо. Добро ишшо, што оне у нас не эка вольничя, как у иных. И в школе, молодчи, не худо учаччё, настаўничя хваліт, говорит, што тоўковыё робята. А вон чула, поди, Манефья-матшка, про пасачей-то из-за рики. Летось ушли на Гладко корьё драть. Там мекильничя ишшо стояла, оне ў ёй мотушки окладывали. Дак ведь хватило тоўку у сотон поджегчи стару кулу ў лединке у мекильничи. А эка суш стояла, всю вёсну дожжа не было. Мекильничя-та занелась и скрела, и потушить не могли. Сечас там в сенокос от дожжа деваччё некуды. Приведись на хорошово отчя, дак так бы батогом отходиў, што нидилю бы на задничю не сили. А ихной отечь их поди-што и пальчём не дотронуўсё. Я вот тожо насторю за своим, чтобы где чё не наварзали. Сечас ведь и своёй шали хватаёт, да ишшо горадоўшыны наехаю, тово и гледи, што чemu-нибудь нашаль научят.

Да и робетишкі-те наши пока ишшо ништавіны, с кожным любоё здеччё можот. Вон вчера с самым-то маўкім чуть ума не рехнулася. Надо ись садиччё, а ево нету. Покричала и в ызбе, и ў загородзе – нету нигде. Сразу ведь на худоё думаю. Я уж и ў дровенике гледела, и ў хліве, на бити

нали лазала — нету. Назать слезала — оразилась, лико какая печеничя на колине. Не знаю, чё и делать, хош дереўню бунти. Ну, думаю, зделаю робетишкам хош еишничю, да и побегу. Пошла под калидор, где куричи кладучё, еичь взять, глежу, а там парнишко-то на сине спит. И тоўку дать не могу, как туды и попаў: дверинка-та была на завёртышок завёрнута, завёртышок-от тугой, да ему и не достать. Спит там, убажной, две куричи рядом в лошниках сидят, и петух на уличе у окошечкя, через которо куричи забираючё, стоит, кикирикат, а тому хош бы што: спит, андели, ничево не чюёт.

— Ты чево засобиралась-то? Ну, ладно, коё не мера, дак приходи. Около обеду-то я ўсегда дома ли на уличе где около дому. Робетишка-те сероўно от дому далёко ототти не дадут.

Бухтины Самодурова

В дереўне-то ранше эка мода была — на беседы ходить. Соберучё у ково-небудь в избе да и сидят там. Хто што делаёт. Бабы дак хто предёт, хто кружовá плетёт, а хто дак и так сидит. Бываёт, писни запоют. А хто дак чё занятнёе роскажот.

У нас экой Самодуроў ў дереўне бываў. Тот всё любиў на беседы-те ходить. А придёт — дак слова простово не скажот. Всё какиё-небудь пригноўки да росказни, што и вирить нельзя. Всё, бывало, росказываў, как к ему самолёт в дереўню прилетаў да на крышу садиўсё.

— Вот кошу, — грит, — в загороде, а самолёт-от и литит. Вот уж надо мной как раз. Глежу, лётышк окошко открываят у самолёта, голоу высунуў да и кричит: «Эй, — грит, — на Москву-то тут дак которая дорога? А то тут всё над лесом литили, окружыло, и дорогу потерели».

— Дак на Москву-то поди-ко я и не знаю, — говорю, — у нас кому ў Москву надо, дак сперва в Хароўскюю едут, а оттуды уж на поезду и дале, хто куды жалаёт. А на Хароўскюю дак вон дорога. Вы давайтё лититё-ко ў Хароўскю-ту, да там и спросите. Там-то народ горочькёй, потоўковее нас, можот, чё и подскажут. Да большё-то не торопитесь, садитесь наземьту, вон бабе своёй скажу, дак самовар поставит да чаю попьём. Сахару-то нету, дак хош с веленичёй.»

Лётышк рукой махнуў: «Ладно, сечас». Дереўню облитеў да и сеў ко мне на крышу, чтобы потом слетать было лоўчее. Я лисничю приволок, оне слизли, в избу пошли. А с собой-то и сахару, и каўбасы и всяково угошшения принесли. Я обрадеў, из синика поўлитру принёс. Вылили, штей свежых похлебали. Поговорили, што да где. Говорят, литят из Архандельскя, горопичё бы надо, да вот с дорогой не попаило.

После другой стопки и разговор сминиўсё. Почели спрашывать, где ишшио вина можно купить, да ў которой дереўне деўки башше. А после третьёй и гармонью запросили. Я уж говорю: «Робята, гледите, отемништё, дак и соўсем дороги не натти». Ладно, засобирались. Сходили ў нужник на дорогу. Старшой меншово отправиў мотор заводить, а сам сеў со мной на

посошок. А младшой-от, чюём, в самолёте петаеччё, мотор заводит, а тоўку-то, видно, ишшо нету, да и голова-та не больнё трезва. Горючёе всё выжог, а мотор не завёў. Старшой-от лётышк из мати в мать: чё делать-то топерече?

Я гу: «Робята, у вас самолёт-от на чём роботат, на бегзине ли карасине?» Старшой грит: «Да один лешой, с умом дак на чём хош улитим».

Я достаў трёхлитрову бутыль карасину, куплен быў гля ланпы да фенаря, отдаў им. Оне говорят: «Мало, далёко не улитиш». Сидят росстроеўныё.

Я гу: «Ну чё, робята, деньги-те есь?» – «Есь».

– Давайтё десятку, а то дак и две. Дали три, токо выручи.

Взяў деньги да бутыль из-под карасину и пошоў к божатке: та ўсю жысь самогонку гонила. Говорю: «Налей-ко, божатка, почишше да покрипче». Та, как увидела бутыль, дак и давай меня ругать из сотон в сотоны: «Пъеничя, остатню копейку ў семье пропиваёш, да с экой-то острашынной бутыльёй пришоў, грезной да и карасином пахнёт. Пить-то из экой гáведно».

Я гу: «Отстань, божатка, ругаччё-то, не мне вино-то, да и деньги сразу отдам».

Вынуў десятку, полжыў на камот: «Ну, чево?»

Божатка на деньги згленула, рукой махнула: «Да лешой с тобой, пей хош в три горла. Ладно, помани упряжку, сечас принесу».

Сосмешали мы карасин с самогонкой, вылили ў бак, тырк – завелось с первово разу.

Лётышки говорят: «Ну, Самодуроў, молодечь. В Москве скажом, што эко горючёе придумаў – премию дадут». Улитили.

Я премию мисечя два ждаў, не дождаўся. Поди, забыли, не сказали. Да ладно и сделали. Сразу бы на коўхоз план спустили: пришлось бы картошку на самогон изводить. А без картошки згинём, соўсем в дерёуне ись нéчево будёт.

Баўшка ў няньках

Ой, вóсподи, опеть отчя да матки нету дома, всех сотон на меня оставили. Чéлой день шшáливают, никаково тоўку с им не дать.

– Ты куды в окошко-то пёлиссё, оразись-ко с экой высотишины, дак убъесё дё смерти. Токо за вам, сотонам, и гледи да настори, чё бы не наварзáли.

– Отстань от диўчёнки, сотонёнок, чево ёё задóриш, лико опеть росквилиў. Нет бы дома посидить да с робёнком поводиччё, дак ведь лешой носит чёлой день по дереўне. Лідька бы поводилася, да ишшо худа пестунья, за самой глаз да глаз надо.

– А ты-то там каково лешова по поличям лытáёш, уди из кути. Недаўнб или, опеть надо. Садитесь за стой, сечас шти из печи достану. Руки мойтё! Воды-то налейтё в рукомойник, чево простым-то брекотитё.

Грезь-ту с рук лутше смывайтё, а то рукатерник-от упичкели, што как из грези складен. Чево коўшом-то ў котле скыракаетё? Воды нету? Да ведь линь сотонам наносить-то, ждетё, пока отечь да матка не велят. Линиша перекатынё, линь-та перёже вас родилась.

— Чево там под кроватьёй-то поўзаш, чево ишшош? Садись за стой, гля тебя другой выти не будёт.

— Ты-то чево как пень у стола выўстаў? Лошки нету? Вон маўкая лошечка есь, дак бери. Да вон и большая у тебя под носом, зинчи-те открой. Да седь за стой-от, чево иси как нéкрут? Сидите ўмски за столом, хлебайтё да мене байтё.

— Не тоўкай деўку-ту, она ўсе шти пролила. Ишшо потоўкайсё, дак лошкой пачёсну, да из-за стола вон, дак и наисись!.. Лико, лешой с тобой, ишшо и на ответ даёт. Уж большой, а ума нету. Вырос, а ума не вынес. Не слушаёт не отчя не матки. Да и оне вас худо стрóжат. Вичю на вас надо хорошую. Мой татък ишшо говориваў: «Вичька не покалечит, а ума дас». Я всё держала вичю-ту за кожуком, дак опеть куды-то девалась. Поди, из вас которой её выкинуў.

— Чево не иси-то? Неискусно? Вот тюму дам, дак будёт искусно. Где, к лешому, на ўсех уладить, ведь не варить кожному на осёбинку.

— Поили, дак выходите, чево ишшо ждётё? На уличу подетё, дак одиньтесь потодильнее, не ходите как пасачи.

— Чево там деретэсь-то? Ну-ко росстáнтьесь, а то рéмнём отхлешшу ўсех по очерёдке. Нет от вас, сотон, спокою не денно не ношно. Отстань махаччё-то, чуть мне глаза не выткнуў! Лико окáзъё какоё, не дна бы тибе не покрышки! Неси вас лешой на уличу, сотон окаянных, прости меня, восподи, черичя небесна!

Слава тибе, восподи, ушли. Со стола уберу да стáучи вымою, да хош упражку какую в спокое посижу.

Дома в дереўне

Вот опеть я приёхá ў дерёўню домой.
Петь годоў уж прожыў ў городу.
Вёдро сёдне на уличе – часик какой
Погулеть по дереўне поду.

Сончё сёдне палит, и жариша неўлáдь,
А водичя в рике – вараток.
Робетишок купаччё не надо и звать:
Челым суткам бунтят омуток.

Вон Мариюта идёт с водоносом с рики:
Волокёт чэлы вёдра воды.
Паўло косит у бани, а евонной парнёк
Изорваў, кайчёт, новы штаны.

Эк и поўзат везде, вот легушу зымаў,
И изладиўсё с ёй поигратъ.
А Марюта орёт: «Чё ты петаш ёё?
Опусти да не смий боле братъ!»

Паўло это учуў, парнека поругаў
И ў застиньё пошоў покурить.
А парнишко ў грэзэ железягу нашоў,
И давай ёй о косу лашшыть!

Вон Текуса с Паранёй счишлись в лугу:
Видно, худо роздилен покос.
Эк деруччё, ак стрась! Взели по батогу-
У Параньки ў крове, кайчёт, нос.

Дале Ваня с Аўгусой своёй мечёт стог,
Да не стало им сена хватать.
Ванька снизу орёт: «Што ты, лешой с тобой?
Чё, забыла, как стоги метать?»

А Аўгуса не чюёт, оглохла даўно,
Ак топере ругай – не ругай.
«Ванька, сена-то нет, ну-ко стог утодиль,
Да и снизу ево подчепай».

Ванька ў нос матюкнуўсё, за грабли взеўсё,
Почяў сено остатнё чепать.
А Аўгуса вверху балахон послала,
И пока-што легла подрематъ...

Да, кажиной уж год, как подходит пора,
Иzzаранья уж серчё болит:
Побывать надо сейгод в родной волосте,
На дереўню свою погледить.

Вечер

Как даўно всё это было,
Лет уж с петдесят назад,
Хош мы много што забыли,
Детство каждой спомнить рад.

Вся семья домой собралась,
Каждой делом занеўсё:

Мама, кайчёт, обрежалась,
Васька на печь забраўсё.

Я сидеў, сидеў без дела,
И пошоў за мамой в куть.
Лідька ў зыбке заревела,
Што и радива не чутъ.

Баўшка Настя заругалась,
Стала Лідьку жолыбать.
Покачала да россталась,
Стала Ваську с печи зватъ.

Ваське лизти неохота:
Токо почяў усыпать.
На шубунях без заботы
Он уклаўсё подрематъ.

С Лідькей мне пришлось водиччё:
Одияльчё подтянуў,

Сунуў в ротик рогоушку,
Протиў свету розвернуў.

Сеў в углу, качею зыбку,
А сам читкой занеўсё.
Заскрипей у зыбки очеп,
И опеть замоўкло ўсё.

Толькё свишшот витер в выюшке,
Мама вёдрам брекотит,
Баўшка брякаёт коклюшкам,
Папа над вершой сидит.

Литература

1. Закон РФ "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (с изменениями от 23 июня 1999 г., 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г.).
2. Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / Отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда, 2011. – 344с.
3. Богоязов С. Н. Языковые элементы азлецкого диалекта на фоне славянских языков // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 10. – Вологда, 2012. – С. 178-183.